

НОВЫЙ КУРС В ГЕРМАНИИ И ГАЗЕТНЫЕ ВОЙНЫ С РОССИЕЙ (1890–1897 ГОДЫ)

Д. Вульф

*Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург)*

Поступила в редакцию 28 октября 2015 г.

Аннотация: *статья посвящена вопросу, как ведомства иностранных дел России и Германии в конце XIX – начале XX в. воспринимали внешнеполитическую публицистику российских газет. Автор анализирует те методы давления, которые принимались политиками и дипломатами по отношению к газетам и журналистам. В фокусе внимания оказываются также попытки германского правительства создать собственную газету в России.*

Ключевые слова: *Россия, Германия, Лео фон Каприви, российско-германские отношения, русская пресса, внешняя политика.*

Abstract: *the article is devoted to the question, how the Ministries of Foreign Affairs in Germany and in Russia perceived the reporting on foreign policy in Russian newspapers. By this way, the author analyses the methods of pressure, which politics and diplomats applied in relation to newspapers and journalists. In focus are also attempts of the German government to make its own newspaper in Russia.*

Key words: *Russia, Germany, Leo v. Caprivi, Russian-German relationship, Russian newspapers, foreign policy.*

Падение Бисмарка и начало «нового курса» в 1890 г. на первых порах отразилось на политике, проводимой германским МИДом в отношении прессы, в том, что новый канцлер Лео фон Каприви сознательно отказался от нее. Лишь спустя несколько дней после своего вступления на пост 5 апреля 1890 г. он заявил, что ситуация, сложившаяся в официальной прессе, требует реакции. По его словам, он прекратил воздействие со стороны рейхсканцелярии на прессу. Он, правда, осознавал, что внешнеполитическое ведомство не может полностью от него отказаться, но отныне это вмешательство должно было осуществляться под руководством статс-секретаря внешнеполитического ведомства осторожнее и в более ограниченных масштабах [1, S. 418 f.]. Теперь имперские ведомства и прусские министерства независимо друг от друга поддерживали неформальные контакты с различными газетами [2, p. 116 f.; 3, S. 96, 107]¹. Недостаточная координация в редких случаях активных действий иногда даже вела к постыдным промахам. Так, например, газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» по указанию Каприви опубликовала 5 ноября 1893 г. статью, которая призывала к заключению торгового договора с Россией, а лишь сутки спустя эта статья была раскритикована по указанию внеш-

неполитического ведомства в «Kölnische Zeitung» как якобы вызвавшая недовольство со стороны правительства [1, S. 420]. Демонстративная сдержанность в вопросах прессы, которая пришлась не по душе чиновникам внешнеполитического ведомства и оставшимся без заказов редакторам, была продиктована твердым решением Каприви в этой сфере, как и во многих других, покинуть сложные и запутанные тропы бисмарковской политики. По сути, Вильгельм II и Каприви придерживались тех же традиций, что и Бисмарк, и на их образ России тоже существенно влиял страх перед панславизмом. Однако непродление договора перестраховки давало понять, что они предпочли отход от политики договорных связей и считали войну на два фронта неизбежной. Поскольку внешнеполитическая доктрина «нового курса» предусматривала усиление Центральной Европы и сближение с Великобританией, то необходимость оказания влияния на российскую прессу, по сути дела, отпала. Хотя ведомство на Вильгельмштрассе внимательно отмечало для себя высказывания в адрес Германии, появлявшиеся в российской прессе, но оно почти всегда избегало какого-либо вмешательства с целью скорректировать публикуемую информацию или как-то иначе повлиять на нее. Германский кайзер считал, что российский министр иностранных дел должен был сам «заткнуть глотку своим и французским газетам» [4, S. 352]. Однако ввиду внешнеполитических перипетий МИДу Германии не всегда удавалось последовательно соблюдать сдержанность в вопросах прессы.

¹ Уже Юлиус фон Экард, который в 1882–1883 гг. занимался в прусском министерстве внутренних дел составлением обзоров прессы и одновременно писал для газеты «Kreuz-Zeitung» статьи антирусского характера, жаловался на отсутствие координации работы с газетами.

© Вульф Д., 2016

Особую внимательность чиновники внешнеполитического ведомства Германии проявляли прежде всего тогда, когда им казалось, что к статьям антинемецкого характера была каким-то образом причастна министерская бюрократия царской империи или если националистическая окраска освещаемых событий зашкаливала. Так, например, статс-секретарь германского МИДа Маршал фон Биберштейн заподозрил, что статья, опубликованная в «Wiener Politische Korrespondenz» летом 1892 г. и носившая явный антигерманский характер, была инспирирована российским министерством иностранных дел, в частности той ее частью, чье видение внешней политики отличалось от официальной позиции министерства и которая была настроена по отношению к Германии значительно менее дружелюбно. Германскому посольству в Санкт-Петербурге было поручено провести соответствующие изыскания. Тамшний поверенный в делах Адольф фон Бюлов выяснил, что за искомой статьей стоял журналист Джаконе, который якобы, в свою очередь, был доверенным лицом российского посланника в Стокгольме И. А. Зиновьева, бывшего руководителя Азиатского департамента МИД, подтверждая тем самым подозрения статс-секретаря [5; 6; 7, с. 78]². Правда, некоторое время спустя Бюлов уже сообщал, что по новым сведениям инспириатором статьи был один из сыновей министра иностранных дел Гирса [8]. На этом вопрос и был закрыт. В разгар таможенной войны между Германией и Россией летом и осенью 1893 г., когда в российской прессе не прекращались резкие нападки на соседнюю державу, МИД Германии обратился к российскому правительству с требованием усмирить прессу. Российское внешнеполитическое ведомство отдало распоряжение, в котором оно, учитывая, что как раз велись переговоры по заключению торгового договора, высказалось резко против германофобских выпадов, аргументируя тем, что подобные выпады могут серьезно навредить государству и поэтому должны быть строжайше запрещены [9]. Однако, несмотря на ликование кайзера («вот так и нужно всегда наступать господам славянам на мозоль») [10], тон прессы в царской России почти не изменился.

Политика внешнеполитического ведомства Германии в отношении прессы, в том числе и российской, находилась с момента образования Германской империи в руках «железного канцлера» и была в значительной степени его личным делом, и поэтому временно прекратила как таковая свое существование после его ухода в отставку [11, S. 130 f.]. В руках Бисмарка она была гибким инструментом, но ни в коей мере не являлась официальной частью внешней политики государства. Политика в отношении прессы – это понятие, которое он никогда не использовал в прямом

смысле этого слова, и если вообще использовал, то только уничижительно – означала прежде всего виртуозную игру на струнах официальной и полуофициальной печати Германии и лишь затем целенаправленное оказание влияния на российские газеты. Эта политика осуществлялась из Берлина и Фридрихсру, в котором находилась усадьба Бисмарка; посол в Санкт-Петербурге лишь изредка и очень нерегулярно вовлекался в такие дела. Она ограничивалась конкретными акциями, которые чаще всего проводились сдержанно и осторожно. После своей отставки он продолжал умело использовать прессу для проявления своих политических амбиций и ставил своих преемников, как это было, например, в случае с разоблачением в 1896 г. договора перестраховки, порой в очень сложное положение [12, S. 47 ff., 274 ff.].

Сами чиновники германского МИДа были настроены скорее скептически относительно эффективности вмешательства в дела прессы. Причин для такого скепсиса было несколько. Российские газеты, начиная с 1860-х гг., все более умело избегали давления со стороны государства, особенно в сфере внешнеполитических вопросов. Даже серьезные наказания и взыскания никогда не оказывали долгосрочного действия. Прямые и частые обращения германского внешнеполитического ведомства к царскому правительству по поводу неугодных статей в прессе с годами утратили свой эффект и парировались российским министерством иностранных дел одними и теми же аргументами: ограниченный общественный резонанс печати, недейственная цензура, функция «клапана», которую выполняли внешнеполитические темы для критично настроенных журналистов. Германский МИД постепенно был вынужден учитывать возможную реакцию российской прессы в своих внешнеполитических расчетах. Так, например, посол в Санкт-Петербурге фон Швейниц настойчиво рекомендовал Вильгельму II не ехать на траурные торжества по случаю кончины Александра III, потому что, по его словам, слишком явная демонстрация дружеского отношения к Николаю II могла вынудить его к проявлению сдержанности и побудить российское общество, и прежде всего прессу, лишней раз доказать свои повышенные симпатии французам [13].

В довольно слабом успехе в плане оказания влияния на российскую прессу было как минимум в той же степени виновато еще одно обстоятельство. Дистанция между прессой и дипломатией в кайзеровской Германии при Бисмарке была так же велика, как и в России, и поначалу оставалась такой после его ухода с поста канцлера. Обширная опубликованная и неопубликованная дипломатическая корреспонденция и мемуары дают основания полагать, что дипломаты Германской империи не слишком активно искали близости к журналистам, тем более в России, а уж необходимость активного воздействия на прессу для них и вовсе была ниже их достоинства. Отто Хамманн,

² Вероятно, речь шла о французском журналисте Жаконе, который писал для «Wiener Politische Korrespondenz» и, действительно, был связан с Зиновьевым.

который с 1893 г. отвечал за работу с прессой в германском МИДе, жаловался в своих мемуарах на распространенное вплоть до 1890-х гг. в среде бюрократов обыкновение «всех журналистов, даже тех людей, которые явно угадали с профессией, без разбора величать борзописцами» [14, S. 86]. Некоторые германские дипломаты, например, принц Генрих VII Рейс, до 1876 г. занимавший должность посла в Санкт-Петербурге, а позднее в Константинополе и Вене, совершенно избегали общения с журналистами и поручали поддержание контактов с прессой нижестоящим сотрудникам дипломатической миссии. К самому ведомству на Вильгельмштрассе доступ имел лишь небольшой избранный круг журналистов. Советник юстиции Фишер, первый представитель газеты «Kölnische Zeitung» в Берлине, ежедневно в полдень являлся к Гольштейну, информировал его о последних событиях и получал, в свою очередь, информацию и поручения. Охотно принимали в стенах внешнеполитического ведомства Германии в первой половине 1890-х гг. также корреспондента «Times» Чирола, позднее Августа Штейна из «Frankfurter Zeitung» и остзейского профессора истории Теодора Шиманна, который писал статьи для газеты «Kreuz-Zeitung» [14, S. 61; 15, S. 152]. С русскими журналистами постоянный контакт в министерстве не поддерживал никто, в том числе и сам Хамманн.

Относительно малому значению, придаваемому в германском МИДе политике в отношении прессы, соответствовало и слабое кадровое обеспечение [14, S. 55ff., 72 ff.]. При Бисмарке в этой сфере работал Рудольф Линдау с единственным помощником. Они вдвоем ежедневно составляли обзоры прессы (не только российской) и выполняли поручения Бисмарка или статс-секретарей. При Хамманне, который много лет подряд был также пресс-секретарем трех сменившихся при нем канцлеров, отдел по работе с прессой, формально вовсе и не существовавший, был расширен за счет одного руководителя и двух экспедиторов. На заре своей деятельности Хамманн сожалел об отсутствии возможностей для технической редакции и современных вспомогательных средств, таких как картотека, телефонный аппарат, пишущие машинки и машины для трафаретной печати [14, S. 57, 72; 16, p. 5 ff.]. То, что политика внешнеполитического ведомства в отношении российской прессы не имела желаемого успеха и воспринималась дипломатами как не особенно привлекательная, было связано среди прочего и с ее репутацией как чего-то таинственного, сомнительного и опасного, которая ее окутывала. Прямые воздействия на российскую прессу имели лишь тогда смысл, когда они оставались тайной для общественности, и особенно для правительства в Санкт-Петербурге и царского двора. Эта наполненная таинственностью атмосфера буквально притягивала всевозможные сомнительные личности и принуждала к большой осторожности.

Еще большую дистанцию к своей собственной прессе соблюдало российское министерство иностранных дел. Граф Ламздорф, воплощавший в течение многих десятилетий преемственность в российском министерстве иностранных дел и по своему положению до 1900 г. вполне сравнимый с Гольштейном, если верить его подробным дневниковым записям [7; 17; 18], почти никогда не встречался с представителями прессы. Спорадические контакты с редактором издания «Journal de St. Petersburg» Горном чаще всего служили для передачи ему поручений в качестве курьера. Надо заметить, что чиновники с Певческого моста знали, что воинствующий русский национализм определенной части прессы далеко не всегда отвечал официальной политике министерства. В случае если мнения редакторов приобретали большой вес в обществе, то это могло оказывать на дипломатию крайне неприятное давление [19, S. 30]. Вражда между долголетним министром иностранных дел Н. К. Гирсом и Катковым была не в последнюю очередь именно поэтому легендарной. Однако противостояние между обоими никогда не происходило открыто, ни устно, ни письменно, а исключительно в форме борьбы каждого из них за благоволение Александра III. Еще в 1890-е гг. чиновники российского МИДа, собираясь на ежедневное чаепитие у Гирса или Ламздорфа, вспоминали баталии с воинственным публицистом, от которых их избавила только внезапная смерть последнего в 1887 г. [17, с. 135, 319]. Даже прямой конфронтации с издателем журнала «Гражданин», получавшего крупные казенные субсидии, князем Мещерским, которого Ламздорф хотел пригласить в министерство из-за его выходящих за рамки националистских высказываний, его пожилой шеф предпочитал избегать [7, с. 44]. В остальном журналистов считали в лучшем случае «почти честными людьми», которые, как, например, издатель газеты «Свет» В. В. Комаров, делали по сравнению с другими сравнительно немного пакостей, за которые они, однако, получали немало денег [17, с. 143, 294]. Российский МИД внимательно реагировал на статьи журналистов, обладавших конфиденциальной информацией. Таковым, например, считался бывший сотрудник министерства, впоследствии агент министерства финансов в Лондоне С. С. Татищев, писавший из британской столицы для «Русского вестника» и «Нового времени» статьи вполне в стиле Каткова. Его статья в «National Review» уже успела вызвать гневную реакцию со стороны ведомства на Вильгельмштрассе [15, S. 175f.; 17, с. 60, 76, 92, 95]. Лишь глава Азиатского департамента И. А. Зиновьев проявлял больше интереса к прессе [19, S. 30; 20, p. 62 ff., 196 ff, 345 f.]³. Поскольку российскому министерству

³ И. А. Зиновьев относился к немногочисленной группе высших чиновников МИДа недворянского происхождения и олицетворял современный тип политика. Другие ведомства, очевидно, активнее использовали прессу для выражения собственных интересов.

иностранных дел в отличие от министерства внутренних дел не хватало административных возможностей, чтобы заставить местную прессу проявлять сдержанность в освещении внешнеполитических вопросов, все жалобы германского МИДа были бесполезны. В лучшем случае их просто переправляли в главное управление по делам печати, которое, в свою очередь, проявляло на этом поприще крайнюю сдержанность [7, с. 190–191], осознавая важность той функции «клапана», которую выполнял национализм. Лишь в 1892 г. назначенный российским министром финансов С. Ю. Витте начал целенаправленно проводить политику по преодолению пропасти между прессой и политикой.

В начале 1890-х гг. в германском внешнеполитическом ведомстве время от времени раздавались голоса, которые, учитывая возрастающее значение прессы и ее игнорирование, требовали более активных действий в этом направлении. Консул в Киеве Раффауф, который периодически затрагивал темы, выходящие за рамки подведомственной ему сферы, в одном из докладов от 23 марта 1891 г. объяснял негативный настрой против Германской империи в значительной степени неблагоприятными по отношению к Германии статьями в российской прессе. О «новом курсе» население знало якобы лишь то, что соседняя держава сеет хаос и разрушение. Один анонимный информант даже якобы призвал что-то предпринять против этого однобокого взгляда на Германскую империю: «Предпринимали ли Вы что-нибудь для того, чтобы отгородиться от этих крикунов? Ни один компетентный защитник не опроверг эти нападки» [4, S. 362 f.]. То, что за пафосным обращением к внешнеполитическому ведомству с требованием вести более активную политику в отношении прессы скрывался сам отправитель донесения, в ведомстве на Вильгельмштрассе было понятно каждому.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hink H.* Caprivi und die offiziöse Presse // F. Quartal / W. Setzler (Hg.). Stadtverfassung, Verfassungsstaat, Pressepolitik. Festschrift für E. Naujoks zum 65. Geburtstag. – Sigmaringen, 1970.

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

Вульф Д., доктор философии, долгосрочный доцент ДААД

E-mail: dwulff@hse.ru

Тел.: 8 (812) 786-92-49

2. *Lerman K. A.* The Chancellor as Courtier. Bernhard von Bülow and the Governance of Germany 1900–1909. – Cambridge ; New York ; Melbourne, 1990.

3. *Eckardt J. V.* Lebenserinnerungen. – Bd. 2. – Leipzig, 1910.

4. Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes hg. von J. Lepsius, A. Mendelsohn Bartholdy, F. Thimme. – Bd. 7. – Berlin, 1924.

5. PA. – R 10514. – Erlaß Marschall, 21.6.1892.

6. PA. – R 10514. – Bülow an AA, 7.7.1892.

7. Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890 гг.) / под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. – М. ; Л. : ACADEMIA, 1926.

8. PA. – R 10514. – Bülow an AA, 24.7.1892.

9. PA. – R 10514. – Telegramm Rex, 2.11.1893.

10. PA. – R 10514. – Randbemerkung auf dem Bericht Marschalls, 3.11.1893.

11. *Kehr E.* Soziale und finanzielle Grundlagen der Tirpitzschen Flottenpropaganda // E. Kehr. Der Primat der Innenpolitik : gesammelte Aufsätze zur preußisch-deutschen Sozialgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert / hg. von H.-U. Wehler. – Berlin, 1965.

12. *Stribnry W.* Bismarck und die deutsche Politik nach seiner Entlassung (1890–1898). – Paderborn, 1977.

13. PA. – R 10691. – Schweinitz an Caprivi, 23.10.1894.

14. *Hammann O.* Der neue Kurs. Erinnerungen. – Berlin, 1918.

15. *Hammann O.* Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Erinnerungen aus den Jahren 1897–1906. – Berlin, 1919.

16. *Cecil L.* The German Diplomatic Service 1871–1914. – Princeton, 1976.

17. *Ламздорф В. Н.* Дневник (1891–1892) / В. Н. Ламздорф ; под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна, подг. к печати В. М. Хвостов. – М. ; Л., 1934.

18. *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1894–1896 / В. Н. Ламздорф ; пер. с фр., нем. и англ., введ., сост. и коммент. И. А. Дьяконовой. – М. : Международные отношения, 1991.

19. *Geyer D.* Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914. – Göttingen, 1977.

20. *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. – New Haven / London, 1990.

National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg)

Wulff D., Doctor of Philosophy, Permanent Visiting Associate Professor of the DAAD

E-mail: dwulff@hse.ru

Тел.: 8 (812) 786-92-49